14 regens, - 1000, -200mi, - 4 noesp, (N44), -C, 14-15 OPUBOHT

Рассказывает главный редактор Евгений ЕФИМОВ

«Горизонт» — издание быстрого реагирования, поэтому мне трудно сказать сейчас, что мы будем печатать в мае или сентябре будущего года. Скажу только, что практически все

видные публицисты дали согласие сотрудничать с нами, в портфеле много хорошей прозы, воспоминаний, любопытных документов. Думаю, читатели разочарованы не будут.

Что касается ближайших номеров «Горизонта», то в них включены беседы с Галиной Старовойтовой и зампредом Моссовета Николаем Гончаром, потрясающие дневниковые записи 1919 года Зинаиды Гиппиус, выступления Алек-сандра Галича на радио «Свобода», фрагменты книги «Лубянка — Экибастуз» Димитрия Панина, интересного мыслителя, послужившего прототипом Сологдина в романе А. Солженицына «В круге первом», документальный очерк о разрушениях, сделанных за годы Советской власти на территории Кремля, и многое другое. В последнее время «Горизонт» расширил горизонты

своей деятельности. Мы начали выпускать книги. Только что совместно с Международной ассоциацией деятелей культуры «Новое время» мы напечатали книгу «Процесс исключения» Лидии Чуковской, доброго друга и автора нашего журнала переиздали знаменитый сборник «Вехи». Скоро начнет выходить «Библиотека журнала «Горизонт». В ее рамках будут изданы книги «Светлое будущее» Александра Зиновьева, «Процесс Иосифа Бродского» Ефима Эткинда, «Стремя «Тихого Дона» Д* (Ирины Медведевой-Томашевской) и другие. Планы большие. Были бы спонсоры, Распространяться книги «Библиотеки» будут пока обычным «книжным» путем, но мы продумываем, как наладить прием заказов от подписчиков журнала. Если дело пойдет, может быть, сделаем «Библиотеку» подписной.

«Горизонт» и упомянутая выше ассоциация «Новое время» готовят к выпуску и книгу Га-лины Вишневской «Галина, История жизни». Впервые она вышла в Америке по-английски в 1984 году, в 1985-м - по-русски (в издании «La Presse Libге» и «Континента»), а затем переведена на 15 языков и напечатана повсюду. Кроме родины автора. Книга блестящая, умная, злая. Оторваться невозможно.

Галина ВИШНЕВСКАЯ

идем в загс... Я Мы со Славой чувствую себя ужасно неловко, кажется, что все прохожие обращают на меня внимание — вот, мол, такая солидная дама идет под руку с мальчишкой. Да он еще и ходит очень быстро, и мне приходится чуть не бежать за ним, а я привыкла выступать павой.

Помещался загс на Пушкинской улице против комиссионного магазина во дворе, в правом углу, возле помойки. Не знаю, как теперь, но в том виде он неприкосновенно оставался до самого нашего отъезда в 1974 году. Маленькое, убогое помещение на первом этаже — тут и женят, и разводят, и справки о смерти выдают.

Входим в комнату. За письменным столом сидит дородная тетка - как в рассказе Бабеля: «слева фикус, справа кактус, а посередке Розочка». Конечно, на стене — портреты Ленина и Сталина... Загс этот принадлежит к тому же району, что и Большой театр, и к артистам его — отношение особое.

 Ах. Галина Павловна, какая радость вас здесь видеть! Слушала вас в Большом театре, я просто вас обожаю! Замуж выходите?

Да, замуж.Садитесь, пожалуйста, давайте ваш

паспорт, душенька... И — к Славе, уже холодно-официально, даже с легким вздохом, дескать, бывает же людям такое счастье:

- Давайте ваш паспорт тоже.

Начинает писать и все приговаривает: Ах, Галина Павловна, как вы чудно поете, нельзя ли попасть на ваш следующий спектакль? Значит, пишем: супруги-Галина Павловна Вишневская и М-стислав — Господи, какое трудное имя — Ле-о-поль-до-вич Ротр... Роср... Товарищ, как ваша фамилия?

— Ростропович.— Как?!

Ростропович — моя фамилия!

— Товарищ Рассупович, ну что это за фамилия! Вот сейчас у вас такая счастливая возможность - перемените фамилию и будете, - она закатила глаза и даже не проговорила, а как бы пропела: -Вишне-е-е-вский!

Слава сидел, как на горячей сковородке!

— Да нет, спасибо, я как-то уже при-

вык, знаете...

Подумайте хорошенько, потом пожалеете... было бы так красиво!..

ЭТИ счастливые для нас дни вдруг выяснилось, что меня ищут по всей Москве. Мой новый поклонник, Булганин, о котором я совершенно забыла, позвонил на мою старую квартиру и от соседей узнал, что я сбежала. — Куда?!

Не знаем!

В театре тоже не знают, так как я там еще и не появлялась. Дает задание: разыскать. А где искать? Кинулись по Москве — нету, и след простыл. Только к вечеру застали дома Марка и от него узнали, у кого я. Звонит сам министр культуры:

Галина Павловна, мы вас везде разыскиваем. Сегодня день рождения Булганина. За городом, на его даче, прием, и Николай Александрович лично просит вас принять участие в небольшом концерте... Машина будет внизу через полчаса.

Едва успела одеться да волосы прибрать.

Я, конечно, Славе и не рассказывала, что в Югославии старик присылал мне букеты, - думала, пройдет все по приез-

де в Москву. Не тут-то было. Дача Булганина была в Жаворонках, по дороге на Николину гору, а прием — в честь его шестидесятилетия. Правда, слово «прием» тут не подходит, да русские люди и не любят этого слова: сразу представляется красивая сервировка стола, официанты, белые салфетки, хрусталь и прочие сковывающие душу атрибуты. Нет, это была наша родимая, нормальная русская пьянка, и я приехала в самый ее разгар — дым шел коромыслом. Видно, меня здесь с нетерпением ждали - сам Серов, председатель КГБ, топтался на крыльце. Прямо из машины подхватили меня под белы руки и бегом в дом, где я и пред-

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ

стала перед всей честной компанией. Улыбающийся «новорожденный» провел меня на место рядом с собой, и под многозначительными взглядами присутствующих я села между ним и Хрущевым. Охватившее душу чувство смятения и напряженности уже весь вечер не покидало меня.

Собрался здесь очень тесный круг гостей — члены Политбюро, их семьи, несколько маршалов (среди них - знаменитый Жуков, после войны побывавший в сталинской ссылке). Впервые я видела наших вождей, с детства знакомых по портретам, всех вместе, да еще «дома», с чадами и домочадцами. Как странно выг-лядят они в домашней обстановке! За большим столом, заваленным едой и бутылками, тесно прижавшиеся друг к другу... Разговаривают громко, властно, много пьют. Чувствуется в них какой-то неестественный внутренний напор, будто собрались вместе волчьи вожаки и не рискуют друг перед другом расслабиться. Так вот он — «мозг и сердце нашей партии». Нет среди них только почившего в бозе Сталина и расстрелянного недавно Берии. Остальные верные соратники все на местах, и я имею возможность наблюдать за ними.

У всех — беспородные, обрюзгшие ли-ца, грубые голоса, простецкое, вульгарное обращение между собой. В этом гаме постоянно слышен резкий, хриплый голос Кагановича, с сильным еврейским акцентом. Даже здесь, среди своих, — вместо тостов лозунги и цитаты из газет: «Слава Коммунистической партии!», «Да здравствует Советский Союз!»

С привычной топорностью льстят Булганину, особенно часто называют его «наш интеллигент», зная, что ему это нравится.

Женщины - низкорослые, полные, больше молчат. Внутренне скованные, напряженные... Видно, каждой хочется поскорее уйти и быть всевластной у себя дома. Конечно, ни о каких туалетах, об элегантности не может быть и речи — ни одной в длинном платье, ни одной с красипрической. Они настолько обезличечто случись мне на следующий день встретиться с кем-нибудь из них на улице - я бы не узнала. Их мужья не появляются вместе с ними в обществе, и ни на каких официальных приемах я этих дам никогда не видела.

А кругом плывут волной воспоминания: — Никита, а помнишь?

— А ты помнишь, как в тридцатых годах?.. Самая бойкая из жен — некрасивая, му-

жеподооная — кричит через весь стол — A помнишь, Коля, как ты появился у нас в Туркестане совсем молоденьким офицериком? Я Лазарю говорю: смотри,

какой красивый. Ага, это жена Кагановича.

- ...интеллигентный молодой человек. Ведь ты у нас всегда был особый, ты ведь наша гордость!..

А с другого конца глухой, беззубый Ворошилов орет:

- А помнишь, каким лихим ты был кавалеристом?..

Вдруг и я вспоминаю: ведь некоторые из тех, кто молча сидит сейчас за столом — эти жены вождей, — были в сталинских лагерях по многу лет. А что же мужья? Они были свободны в те годы и они отдали своих жен на расправу по ложным обвинениям... Они не защитили и спасали свою шкуру, трусы. И вот теперь, когда Сталина нет, эти женщины вернулись к своим мужьям и сидят с ними вместе за этим столом. Интересно, о чем они сейчас думают? Я разглядываю их, стараюсь угадать, кто же из них побывал в тюрьмах. В разное время арестованы бы-

Если бы молодость знала...

ли как сионистки жены Молотова, Калинина, Буденного, Андреева, Поскребы-шева, жены маршалов... Кто из них остал-

ся жив и вернулся из сталинских лагерей? Но я вижу всех их в первый раз, а по одинаковому выражению лиц нельзя понять, кто из них кто. Почему, Господи, я сижу здесь и слушаю эту циничную ложь, почему я терплю эти многозначительные взгляды? Ведь я их всех ненавижу, я не желаю быть в их обществе... И этот старик, который смеет так смотреть на меня! Да вот потому и смеет, что ты крепо-стная девка, а он — хозяин. И не делай вид, что ничего не понимаещь, здесь этот номер не пройдет...

И все это только цветочки, а ягодки будут потом.

А имя-то у нового советского царя, как последнего Русского Государя, колай Александрович...

Слышу рядом вкрадчивый голос: — Я позвонил вам домой, но мне ска-зали, что вы там больше не живете, что вы сбежали...

Не сбежала, а вышла замуж!..

Правда? Поздравляю! (Конечно, валяет дурака, разыгрывая удивление: небось, уже и анкету Славину проверили...)

Спасибо...

За кого же вы вышли замуж? Мой муж — виолончелист Мстислав Леопольдович Ростропович.

С достоинством и подчеркнутой гордостью произнесла я это имя и от волнения даже правильно его выговорила, что не удавалось мне еще очень долгое время.

Подняла голову и встретила пристальный взгляд — Жуков. Он сидел недалеко от меня и, видно, давно уже наблюдал за мной. В генеральском мундире, без орденов. Средних лет, коренастый, крепко скроенный. Сильное лицо с упрямым, выдающимся вперед подбородком... Наверное, он единственный за весь вечер не проронил ни слова, я так и не услышала его голоса - все сидел и молча всех оглядывал (и было что ему вспомнить!). Вдруг сорвался с места, схватил меня и

вытащил на середину комнаты — плясать «русскую». Ну и плясал! Никогда не забуду — истово, со злостью, ни разу не улыбнулся. Уж я стараюсь перед ним - и так, и этак, а он только глядит перед собой и ногами в сапогах будто кого-то в землю втаптывает. И поняла я что русские люди не только от счастья, но и от ярости плясать умеют.

Фото В. Ахломова.

На СЛЕДУЮЩЕЕ утро — звонок в на-шу квартиру. Софья Николаевна открывает дверь. Здоровенный молодой полковник с огромным букетом в руке отдает ей честь, как на параде:

— Разрешите к Галине Павловне... От его голоса задрожали стены, и все соседи как по команде высыпали в коридор. Софья Николаевна растерялась:

Да она еще спит. А вы кто? — Николай Александрович Булганин просил передать Галине Павловне цветы. И бухает букет ей в руки — она от этой тяжести чуть на пол не села, он едва успел ее подхватить.

- Ну что ж, поблагодарите... Так начался наш медовый месяц со

К вечеру звонок из Кремля:

 Галя, это Николай Александрович, здравствуйте.

Я уже понимаю всю серьезность ситуации, но стараюсь создать легкую, ни к чему не обязывающую атмосферу, а потому забираю сразу с высокой ноты:

— Ax, здравствуйте, Николай Алек-сандрович! Какие дивные цветы, спасибо! Это я вас должен благодарить, я был счастлив видеть вас вчера у меня дома. Не хотите ли со мной поужинать, я буду сегодня в городе?

И разговаривает со мной так, как будто никакого мужа у меня и нету! Я еще пытаюсь все перевести просто на светскую болтовню, но голос на другом конце провода, серьезный и спокойный, не собирается включаться в мою тональность. Начинаю мямлить:

— У меня вечером репетиция в театре... кончится поздно.